

Трансформация социальной роли белорусско-литовских православных епархий: от маргинального вероисповедания к доминирующему (последняя треть XVIII – XIX в.)

Шевкун П.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет», Витебск*

В статье рассматривается деятельность российской администрации и православной иерархии, направленная на количественный рост белорусско-литовских православных епархий в последней трети XVIII – XIX в.

Цель – показать изменение социальной роли православной церкви региона посредством превращения ее в численно доминирующее вероисповедание.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе данных, содержащихся в фондах Национального исторического архива Беларуси, Российского государственного исторического архива, а также информации, уже введенной в научный оборот. Используются специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. В исследовании указаны основные волны массовых присоединений к православию, дана их характеристика, раскрыты механизмы достижения поставленных целей. Отмечены социальные, политические и идеологические факторы, повлекшие действия по изменению роли православной церкви региона. Раскрыты трудности в рамках реализации этой политики и показаны ее существенные изъяны.

Заключение. Анализ процесса превращения православия в доминирующее вероисповедание региона позволяет раскрыть социальную роль церкви при формировании белорусской современной нации.

Ключевые слова: социальные отношения, сословие, православная церковь, уния, епархия, правительство, генерал-губернатор.

(Ученые записки. – 2020. – Том 31. – С. 87–95)

Transformation of the Social Role of Belarusian-Lithuanian Orthodox Dioceses: from the Marginal Worship to the Dominating One (the Late XVIII – XIX Centuries)

Shevkun P.V.

Educational Establishment “Vitebsk State Order of Badge of Honor Medical University”, Vitebsk

The activities of Russian administration and of the Orthodox Church aimed at the quantitative growth of Belarusian-Lithuanian Orthodox dioceses in the late XVIII – XIX centuries are considered in the article.

The purpose is to show the transformation of the social role of the Orthodox Church in the Region by turning it into the worship dominating in the number.

Material and methods. The research is based on the data from the funds of the National Historic Archive of the Republic of Belarus, the Russian State Historic Archive as well as information already included into scientific circulation. Special historical methods were used: the historical genetic, the historical comparative and the historical systematic.

Findings and their discussion. The research reflects the main waves of massive joining Orthodoxy, their characteristics, and mechanisms of reaching the goals. Social, political and ideological factors are pointed out which resulted in the transformation of the role of the Orthodox Church in the Region. Hardships in the implementation of the policy are disclosed; its shortcomings are revealed.

Conclusion. An analysis of the process of turning Orthodoxy into the dominating worship in the Region makes it possible to reveal the social role of the Church in shaping Belarusian modern nation.

Key words: social relations, social layer, Orthodox Church, union, diocese, government, Governor General.

(Scientific notes. – 2020. – Vol. 31. – P. 87–95)

Религиозные системы средневековья отвечали за предоставление информации о социальном единстве. Благодаря им отдельные люди, общины воспринимали себя частью общества, понимали принципы взаимодействия, могли выдвигать справедливые требования к действиям других лиц, а власти добиваться легитимности своим решениям. Поэтому государства средневековья – это монорелигиозные объединения. Не по факту того, что не было иных конфессий, а по факту принадлежности абсолютного большинства населения, аристократии и правящей династии. Представители других объединений присутствовали лишь в силу политической и экономической целесообразности, на определенных условиях и без каких-либо притязаний на властные полномочия, поскольку их религиозные системы не формировали принципы легитимности политической власти и социальных отношений.

Вместе с тем с ускорением общественного развития, что проявлялось в размывании сословно-корпоративных границ, росте экономических, политических контактов, интенсификации обмена информацией и увеличении ее объема, возросла и потребность в данных о жизни общества, развивались средства массовой информации (СМИ). Тех сведений и форм восприятия, которые транслировались церковью, становилось недостаточно для адекватного отражения социальных процессов, всё более основывавшихся на конкуренции и рационализации связей. Постепенно шла выработка новых представлений о социальном единстве в виде современной нации, где взаимодействие основано на выстраивании индивидуальных парадигм, а не коллективных форм воспроизводства традиции, овеянной сакральным авторитетом.

Цель – показать изменение социальной роли православной церкви региона посредством превращения ее в численно доминирующее вероисповедание.

Материал и методы. Исследование осуществлено на основе информации, содержащейся в фондах Национального исторического архива Беларуси, Российского государственного исторического архива, а также информации, уже введенной в научный оборот и освещающей различные аспекты развития православной церкви на территории Беларуси в конце XVIII – первой четверти XIX в. В работе использованы историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Они позволили отразить специфику и место православной церкви в политически значимой коммуникации на территории Беларуси в 1772–1825 гг.

Результаты и их обсуждение. На территории Беларуси к последней трети XVIII в. социальное единство было выражено католичеством благодаря заключенной в 1596 г. унии с православной церковью (униатство). Структуры, не признавшие результаты унии, были объединены в Могилевскую епархию и входили в состав православной церкви Российской империи. По численности верующих и социальному

составу православие в регионе фактически являлось маргинальным вероисповеданием. Численность верующих была незначительна и не превышала семи процентов от общей численности населения ВКЛ, при полном отсутствии православной аристократии [1, с. 16, 29; 2, с. 64, 150]. В результате поэтапного присоединения белорусских земель к Российской империи православная церковь оказалась господствующей в условиях, которые не позволяли ей выразить социальное единство и вписать российскую монархию в социальную структуру региона. Это делало актуальным процесс укрупнения православия путем давления на униатство. Однако российские власти вначале не обладали необходимыми ресурсами для радикальной трансформации региона, которая требовала дополнительных войск, большого количества чиновников и духовенства с соответствующим материальным обеспечением.

Православная церковь Беларуси прошла несколько волн укрупнения. Первые две приходятся на правление Екатерины II, следующие на правления Николая I и Александра II. Несмотря на то, что между первой и последней волнами промежуток составляет около 90 лет, тем не менее их объединяет ключевая роль государства в этом процессе. Значение государства объясняется практическими и концептуальными основаниями. Разорвать корпоративные связи традиционной общины, преодолев сопротивление ключевых ее фигур: священника и помещика, – было невозможно без помощи государства. Кроме того, изменение конфессиональной структуры общества вело как минимум к изменению маркировки социальных отношений, а в некоторых ситуациях их самих. Без прямой заинтересованности государства как структуры, отвечающей за социальное взаимодействие, церковь была не в состоянии действовать, так как она в первую очередь являлась их отражением, а не силой непосредственной трансформации.

Екатериной II был избран прагматический подход, в рамках которого российская монархия рассчитывала на лояльность католической аристократии региона. Но игнорировать ожидания православной церкви также было неудобно. Под давлением Могилевского православного епископа Георгия (Конисского) императрица позволила провести ограниченную акцию по переводу униатских приходов в православие. 2 июля 1780 г. был подписан указ о присоединении униатов, но только в вакантных приходах. Полоцкому губернатору И. Ребиндеру было приказано оказывать поддержку православным «сколь возможно осторожнее, не говоря нигде ни о каком обращении к благочестию». Соответственно присоединения прошли в основном в казенных имениях и во владениях российской знати. За четыре года их число составило 80 приходов. Собственно католическая церковь и аристократия уязвлены не были, униатская церковь сохраняла свои позиции. В 1785 г. на присоединенных землях 52,5% подданных были униатами [2, с. 156, 157].

Следующая значимая волна присоединений, поставившая под угрозу социальную целостность региона, произошла в конце правления Екатерины II в ответ на восстание в Речи Посполитой. На фоне разочарования в возможности достижения компромисса с католической аристократией был взят курс на подрыв ее позиций в регионе. Объектом вновь стали общины униатской церкви. Смерть императрицы привела и к отказу от политики, по существу не обеспеченной ресурсами государства. В результате административного давления на униатскую церковь в 1794–1797 гг. с целью перевода ее приходов в православие последняя стала доминировать лишь в Могилевской губернии [3]. Тем не менее православная церковь существенно укрепила свои позиции, превратившись в значимый социальный институт региона.

После подобных действий российская власть на ближайшие 35 лет оставила в покое конфессиональную структуру региона, сосредоточив свое внимание на сохранении статус-кво. Православная иерархия была вынуждена смириться с этими изменениями. Павел I уделил внимание конфессиональным проблемам региона в мае 1797 г. во время проезда через Минскую губернию, приняв жалобы, в том числе и о насильственном переводе униатов в православие. 13 мая он поручил Минскому губернатору З.Я. Корнееву провести расследование поступивших жалоб [4, с. 146, 147]. По его итогам 14 октября 1798 г. митрополит Новгородский и С.-Петербургский Гавриил (Петров) представил мнение императора Св. Синоду. Предлагалось сделать надлежащие поучения и наставления духовенству, «дабы они обывателей униатского закона к принятию греческой веры никакими средствами не принуждали, а возбуждали от них добровольное желание вступить в оную добродетельным своим житием, пристойным сану их поведением и благонаравием». На основании указаний императора Св. Синод сделал соответствующие распоряжения в адрес епархиального руководства. Также были направлены письма губернаторам, «чтобы обывателей униатского закона к принятию греческой веры никакими средствами не принуждать, а принимать их возбужденных добровольным желанием вступить в оную, к чему привлекать может добродетельное житие, благое поведение и добропорядочное Российских духовных особ» [5, л. 278–279, 281]. Эти решения непосредственно отразились на количестве присоединений. В Минской губернии в 1799 г. была присоединена уже только 1 церковь и 1020 человек [6, с. 403].

В правление Александра I в 1803–1806 гг. были предприняты шаги к ограждению униатских приходов от принятия собственно католического обряда. 21 июля 1810 г. сенатским указом обязали государственные учреждения предотвращать переходы из одного обряда в другой, «желающим же принять господствующую веру, чтобы препятствий не чинили» [7]. 8 августа 1810 г. срок давности для возврата перешедших из унии в католичество был ограничен 1798 г., так как в 1799 г.

последовал первый указ, запретивший «подговаривать на переходы» [8].

Принципиально ситуация меняется в правление Николая I (1825–1855 гг.). Ускорение социально-экономического развития страны требовало большей формализации общественных отношений, отмены наиболее архаичных сословных ограничений. Император вел тайную подготовку к ликвидации крепостного права. Сам по себе сословный строй подразумевал больше ясности и прагматизма. На концептуальном уровне национальная идея завоевывала умы политической элиты страны. В этих условиях правительство рассматривало церковь как важнейший институт интенсификации социальных отношений. Стремление государства к большему измерению и проникновению в социум повысило требования к церкви, конфессиональной унификации, одновременно усилив процессы конфессионализации, то есть выработку более выраженной конфессиональной идентичности. Указанные факторы привели к актуализации транслируемого церковью представления о социальном единстве, в рамках которого значение имели все уровни социума, в том числе и простые подданные. Модерные ноты заключались в том, что национальная идея, вписанная в традиционные религиозные представления, оправдала политическое значение простого народа, формируя взгляд элиты страны на духовенство с позиций социального активизма. Такой подход позволял рассчитывать аристократии на приемлемый для ее властной монополии вариант трактовки национального эгалитаризма. В результате утрата на концептуальном уровне дворянством своей уникальной роли политического сословия и использование духовенства как фактора интенсификации коммуникации существенно обострили межконфессиональные отношения.

Восстание 1830–1831 гг. продемонстрировало, что существующее социальное единство в регионе исключает в нем присутствие российских властей и является потенциально опасным. В результате был взят курс на разрушение представлений о нем путем реформирования межконфессиональных отношений с целью установления численного доминирования православия. При этом власти не пустила существенная трансформация социальной картины региона. Предполагалось, что углубившийся социальный разрыв между аристократией и простым народом должен быть заполнен авторитетом православного духовенства и российским чиновничеством, а католическая аристократия будет заинтересована в поддержании отношений с российской монархией на основании общности сословных интересов.

Указанные факторы привели к тому, что в Санкт-Петербурге важнейшей задачей поддержания православной церкви в крае считали задачу численного увеличения православных. С 1833 г. правительство инициировало активную миссионерскую деятельность в отношении униатов. 30 апреля 1833 г. была учреждена Полоцкая епархия [9, с. 244]. В момент соз-

дания она состояла из шести монастырей и 76 церквей с общим количеством прихожан около 128 тысяч [10, с. 40]. Изначально планировалось ее усилить за счет униатов. На Полоцкую православную кафедру был назначен епископ Ревельский Смарагд (Крыжановский). На аудиенции у императора (редкий случай при назначении епископа на кафедру!) он получил наставления о необходимости энергичных действий по присоединению униатов [11, с. 76, 77, 467].

Порядок присоединений был определен еще указом Сената от 1 февраля 1800 г. С желающих присоединиться брали подписки о соблюдении всех правил православного исповедания и о приверженности церкви [12, л. 1 об.]. Генерал-губернатор Н.Н. Хованский, Витебский военный губернатор Н.И. Шрёдер по указаниям центральных властей обязаны были оказать миссионерам государственную поддержку, защитить позиции православной церкви, обеспечить контроль над соблюдением формальных правил при присоединениях униатов.

Сотрудничество губернских и епархиальных властей способствовало первоначальному успеху миссионерской деятельности. В Полоцкой епархии в 1833–1835 гг. присоединили около 79 тысяч униатов. В Минской епархии было переведено в православие около 17 тысяч униатов [13]. Доклады о количестве новообращенных удостаивались «особливого милостиваго внимания» Николая I [14, л. 1 об., 2]. В речи, произнесенной в Св. Синоде в 1835 г., Николай I подтвердил, что важнейшей своей задачей он «полагает охранение православия», и что «особенного внимания требует, предпринятое с превышавшем чаяния успехом воссоединение униатов с Православной церковью ...» [15, л. 5].

Однако к 1836 г. в высших кругах сформировалось представление о невозможности проведения прежнего политического курса ввиду возраставшей социальной напряженности в регионе. В качестве более предпочтительного варианта правительство остановилось на проекте униатского епископа Иосифа (Семашко) о централизованном присоединении униатской иерархии с прихожанами к российской православной церкви. Изменение политической линии сопровождалось и сменой ключевых чиновников. В июне 1836 г. был смещен обер-прокурор Св. Синода С.Д. Нечаев. Осенью последовали отставки на местном уровне. 15 сентября вместо Н.Н. Хованского генерал-губернатором был назначен П.Н. Дьяков. 17 сентября на место Витебского губернатора Н.И. Шрёдера был прислан И.С. Жиркевич. 5 июня 1837 г. архиепископ Полоцкий Смарагд переведен в г. Могилев [10, с. 235].

Изменение политической линии отразилось на количестве присоединений. Если в 1836 г. в Полоцкой епархии было присоединено 11203 униата, в Минской – 6347, в Могилевской – 27174 [16; 17, с. 37], то в 1838 г. в Минской епархии присоединили 1326 униатов, в Могилевской – 90, в Полоцкой – 2645 [18, с. 36–37]. В 1837 г. становится заметной ли-

ния по достижению большего взаимодействия между униатским и православным духовенством. Так, Литовский униатский епископ Иосиф и православный Минский архиепископ Никанор (Клементьевский) начали разрешать отправление таинств в особых случаях православным в униатских, а униатам в православных храмах [19, л. 2, 4 об., 7]. 28 декабря император принял окончательное решение о присоединении [20]. В феврале–марте 1839 г. был оформлен переход униатской иерархии и прихожан в православие. Также была удовлетворена просьба о временном, «до ближайшего усмотрения», сохранении униатских обрядовых особенностей [21, с. 119–125, 133].

Известие о ликвидации унии не встретило протестов, способных повлиять на принятые решения [22, с. 69–77]. Переход всей церкви был спокойнее воспринят верующими. Например, известны факты отказа прихожан обращаться к священникам в тех приходах, из которых было удалено униатское духовенство, в то время как в других, где продолжали служение уже воссоединившиеся священники, религиозная жизнь шла по-прежнему [23, л. 1 об. – 2 об.]. В 1840 г. было осуществлено объединение православных и униатских епархий.

В Минскую и Полоцкую епархии были назначены бывшие униатские архиереи, Литовскую продолжал возглавлять Иосиф. В Могилевскую епархию был переведен из Полоцка епископ Исидор (Никольский). Три епархии из четырех белорусских православных оказались заняты бывшими униатами, на четвертую назначен наиболее лояльный новоприсоединенному духовенству православный епископ [21, с. 134–135, 153]. В консисториях также преобладали бывшие униаты [10, с. 364]. С 17 марта 1839 г. по 14 августа 1843 г. в составе Св. Синода существовала и особая Белорусско-Литовская коллегия [24].

В результате административных преобразований увеличилось не только количество православных епархий, но и численность приходов. В Минской епархии их стало 593, из которых 351 присоединен из унии в 1839 г., в Могилевской – из 518 «воссоединённых» было 194, в Полоцкой – из 295 было 153, в Литовской – из 554 было присоединено 417 [25, с. 10–12]. Среди белорусского населения доля православных после указанных событий составила 87,2% [26, с. 342].

Политическое значение ликвидации униатства на территории Западных губерний отметил Николай I в письме к наследнику: «С большой радостью вижу в этом одно из желаний моих исполненным, которое считаю из важнейших политических событий России ...» [27]. Таким образом, правительство было вынуждено рассчитывать для укрепления российской власти в регионе на работу с различными категориями местного населения, воздействовать определенными мерами на уровень их лояльности властям. Попытки утверждения российского землевладения, переселения крестьян из внутренних губерний империи на свободные земли, привлечение собственно российского

духовенства и чиновничества в Западные губернии фактически провалились [28, с. 81, 82].

Официальная трактовка присоединения униатских епархий была выражена термином «воссоединение». Используя данный термин, власти хотели не только придать традиционалистскую легитимность осуществленным мероприятиям, но и демонстрировали их исключительность. Католической стороне давали понять, что отношение к униатству не является прецедентным и носит чрезвычайный характер. В речи католическим епископам, произнесенной Николаем I в 1844 г., император подчеркивал: «Повинуйтесь вашему государю, и единственно с этим условием я есть и буду вашим покровителем. Ежели духовенство ваше будет мне искренно повиноваться, то может быть уверено в своём благоденствии» [29, с. 116].

16 декабря 1839 г. был утвержден комплекс мер «о предупреждении совращений в латинство в девяти Западных губерниях». Было предписано составить точные списки католических прихожан и духовенства, которые через Департамент духовных дел иностранных исповеданий должны были «секретно» передать православным епископам. Католическое духовенство обязали принимать на исповедь только своих прихожан, за исключением чрезвычайных случаев («тяжкая болезнь»), заранее сообщать «о фестах или процессиях». Виновные в «совращениях» «неумышленно или по неосторожности» карались кратковременным заключением или, если это духовное лицо, «перемещением к другому приходу». В отношении «совращённых» можно было применить содержание в монастыре «для увещания», «а если будут упорствовать ... не могут быть допускаемы к службе в Западных губерниях и никаким должностям и общественным выборам ... доколе не возвратятся в православие» [30]. Видимо, этих мер оказалось недостаточно и в 1842 г. последовало официальное указание Св. Синода духовенству приступить к возвращению в православие из католичества бывших униатов. Особо подчеркивалось, что лишь «в случае безуспешности кратких мер увещания» на дела о переходах распространялись действия указа 16 декабря 1839 г. [31, с. 345].

В своих воспоминаниях И. Семашко отмечал, что после 1839 г. не более двух тысяч униатов «совратилось в католичество» [32, с. 265]. И хотя данные цифры, вероятно, несколько занижены (по подсчетам польского историка М. Радвана до 1846 г., когда официально отменили сверку метрик, было выявлено 4892 человека из униатов в католических приходах), тем не менее подобное заявление епископа позволяет сделать вывод, что в результате энергичных действий властей переходы не представляли серьезной угрозы положению православия [33, с. 206]. После 1840 г. состав православных епархий существенно не изменился [34].

Николай I рассматривал задачу сохранения «новоправославных» приходов как завершение процесса «воссоединения» униатов. Однако из-за затягивания

разбирательств по делам о переходах увеличивались и политические издержки. Об этом докладывал в своих отчетах А.Х. Бенкендорф [35, с. 258, 259, 283, 335]. В 1850-х гг. стала очевидной тенденция к прекращению дел «о разборах». Тем не менее только в 1857 г., уже при Александре II, последовал указ Св. Синода об окончании всех дел о разборе прихожан между католическим и православным духовенством [31, с. 349]. Это было политическое решение, поскольку за год до принятия этого указа исполняющий обязанности обер-прокурора А.И. Карасевский писал, что «желание правительства разграничить паствы обоюдо Духовенства не достигло своей цели» [36, л. 15].

В 1840-х и 1850-х гг. вопрос численного роста православной церкви для духовных и светских властей продолжал оставаться значимым. В это время основным путем увеличения численности прихожан были смешанные браки. Принятый еще в 1832 г. закон о воспитании в православии детей, если один из родителей являлся православным, должен был способствовать росту их численности [37]. В 1840 г. Св. Синод разрешил духовенству освящать смешанные браки, не ожидая согласия архиерея [22, с. 116]. С целью предотвращения помех со стороны католических помещиков в декабре 1853 г. митрополит Иосиф пошел на нарушение прав вотчинников, объявив духовенству епархии, чтобы оно производило браки крепостных без разрешения владельца. Позднее он сделал строгое замечание благочинному Ситкевичу, у которого за 10 лет было только 16 таких браков, тогда как в Белостокском благочинии – 221, в Гродненском – 579, в Сокольском – 393 [31, с. 352–355]. В результате в Литовской православной епархии за это время было заключено около 15 тысяч таких браков [38, с. 82].

Важнейшим направлением деятельности православной иерархии в этот период была политика по сохранению однородности состава духовенства и, в определенной степени, его культурно-религиозной гомогенизации. Литовский архиерей, по мнению исследователей, «относился вообще неблагоприятно к принятию даже на причетнические места из других епархий». Исключение было сделано в 1842 г., когда острая нехватка причетников вынудила его обратиться за присылкой 50–100 «хороших причетников» к Волынскому архиепископу Никанору, «как более других сходной с Литовской». Однако желающих перейти не оказалось [31, с. 96, 97, 104]. Когда в 1855 г. епископ Василий (Лужинский) был вынужден реагировать на предоставленные в Св. Синод замечания бывшего генерал-губернатора, среди которых значилось предложение «безотложного устранения всех лиц духовного ведомства, не вполне оправдывающих своё призвание ...», он указал, что «для блага св. Церкви православной и для славы самого правительства этой меры в здешнем крае, пока живо поколение, которое помнит дело воссоединения, допустить не следует, разве случаи каких-либо уголовных преступлений, потому что я живо еще помню, каких усилий

мне стоило преодолеть боязнь именно этой меры у бывших греко-униатских священников ...». Предложение епископа было утверждено императором [39, с. 248].

Это свидетельствовало о том, что сам по себе переход в православие не вел к трансформации социальной целостности в угоду российским властям. Более того, общество жило сформировавшимися, овеванными традицией представлениями о нормах социальных отношений их религиозной символики. Православной иерархии и российским властям, которые с трудом вписывались в социальные отношения региона, необходимо было с этим считаться. Митрополит Иосиф отмечал, что «самоё стремление к тому, чтобы искоренить существующие в крае разности в церковной жизни, которые были не существенны, значило бы трудиться не для церковного единения, но для раскола, не на пользу церкви православной, а на пользу её врагов». Сложившееся положение привело к тому, что особая атмосфера в белорусских епархиях сохранялась долгое время. Так, в 1863 г. новый Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев отмечал, что у местного православного духовенства сохранился дух некоторой исключительности, нередко переходящий во враждебность к русскому и пристрастность ко всему польскому [31, с. 97].

Заданный Николаем I вектор на безоговорочную поддержку государством православной церкви (а ведь государство является институциональным выражением социального единства) был продолжен в правление Александра II (1855–1881 гг.). Это происходило на фоне существенных перемен в обществе. Развитие новых средств и видов коммуникации – железные дороги, телеграф, СМИ; отмена крепостного права и реформы самоуправления актуализировали, как никогда ранее, проблему социального единства. Расширение и интенсификация коммуникации шли в рамках традиционного конфессионально очерченного социального пространства. Складывалась иллюзия, что формирование современной социальной общности может быть вписано в конфессиональные рамки. Концепция церкви-нации, выраженная доктриной православие–самодержавие–народность, в это время нашла свое наиболее полное воплощение, окончательно разрушив дистанцию между светской и духовной властью традиционного общества. Рассматривая веру, по существу, как секулярное явление, монархическое государство брало на себя ряд функций, связанных с ее развитием: от материального обеспечения и административно-территориального устройства до некоторого контроля над нравственностью клира. Национальная идея формировала активистское отношение к обществу, и у государства возникали опасения, что духовенство не справится с таким вызовом.

Проводимые реформы изменяли социальные отношения в регионе, сформировавшиеся еще до прихода сюда российской власти, и предполагали более органичное присутствие государства в процессе их трансформации. Одним из наглядных проявлений

этого стремления стала замена мировых посредников в Северо-Западном крае на православных выходцев из внутренних российских губерний. На таком фоне возникли ожидания, что освобождение от крепостного права высвободило некую «народную силу», которая и проявит себя благодарностью царю и переходом в православие, то есть расширением комфортного для власти социального пространства. При этом католическое возрождение, которое началось в середине века, рассматривалось с православных традиционалистских позиций как процесс формирования новой польской социальной общности или скорее ее возрождения. Восстание 1863–1864 гг. лишь убедило власти, что подобный процесс идет активно. Формальные доказательства об участии католического клира в восстании были практически излишни. Сам факт активизации конфессиональной жизни в католической общине: появление новых культов (Андрея Боболи, Иосафата Кунцевича) и обновление прежних, интенсификация церковных служб, проповедей, крестных процессий – являлся достаточным свидетельством в глазах православных администраторов, что идет процесс формирования и маркировки новых социальных отношений, выражения польского патриотического подъема. Католические же братства рассматривались не иначе как «революционные организации» [40].

Обостряло подозрительность российской администрации, православной иерархии и то, что православная и католическая маркировки социума в регионе были близки и взаимозаменяемы. Формировалась психологическая атмосфера, при которой должна доминировать либо одна, либо другая сторона. Это подогревало воинственный настрой и создавало иллюзию легкости смены конфессиональной принадлежности. Католические храмы не требовали значительной перестройки в православные церкви, скорее просто ремонтных работ. Некоторые иконы были одинаково чтимы и католиками и православными. В результате их можно было просто объявить принадлежащими православной общине. Как это было с Бельничской иконой Божьей матери. Даже некоторые новые католические культы подвергались сомнению в их католическом происхождении. Митрополит Иосиф (Семашко) в ответ на запрос осенью 1863 г. генерал-губернатора М.Н. Муравьева утверждал: «Римско-католическое вероисповедание так близко к Православному Греко-Восточному, что переходу из первого в последнее не положено никаких стеснений... Православным священникам предоставлено самим собою присоединять к Православной церкви Римских католиков» [40].

Задачи церкви в регионе формулировались также исходя из ее противостояния с католичеством: «На западной окраине России православие стоит лицом к лицу с латинством». Складывалось впечатление, что наличие католичества словно подчеркивало неполноценность православия. Соответственно от клира ожидали повышения конфессиональной идентичности и распространения православия: «и на православной

Церкви здесь лежит высокий и трудный долг – с одной стороны утверждать в истинной вере православные паствы и охранять их от опасностей и соблазнов со стороны латинства, а с другой силой убеждения, святостью своих начал и полнотою их проявления в жизни действовать и на римско-католическия населения». Отдавалась дань и традиционалистским мотивам легитимации таких действий: «из коих весьма многия некогда принадлежали к православной Церкви и отторгнуты от нея вследствие неблагоприятных исторических судеб края» [41].

Переход в православие рассматривался как приобщение к социальному пространству, не только естественным образом лояльному российскому абсолютизму, но и в полной мере основанному на религиозных истинах: «святостью своих начал и полнотою их проявления в жизни ...» [41]. Так, в июне 1866 г. К.П. Кауфман получил от Могилевского губернатора А.П. Беклемишева шифрованную телеграмму следующего содержания: «Некоторые чиновники с семейством, признавая себя вполне русскими, желают присоединиться к православию. Распространился слух, что все-таки будут уволены. Могу ли заверить их, что они будут считаться русскими и пользоваться одинаковыми правами». Генерал-губернатор дал недвусмысленный ответ: «Можете успокоить желающих присоединиться, что я смотрю на принятие православия как на перемену знамени политического навсегда и вполне доверяю [тем], кто перешел с семейством» [40].

Вся сумма указанных выше обстоятельств подводила к необходимости инициирования процесса перевода католиков в православие. На протяжении служения трех генерал-губернаторов: М.Н. Муравьева, К.П. Кауфмана, Э.Т. Баранова – и реализовывалась политика по численному увеличению православной церкви. Она включала в себя несколько направлений: возобновление практики разборов в отношении бывших униатов, которые, по мнению православного духовенства, несправедливо принадлежали к католическим общинам; закрытие католических костелов и каплиц с целью защиты православных общин; уверенность, что прихожане-католики в итоге присоединятся к православию и собственно присоединение. При этом все данные направления были взаимодополняемы.

В январе 1865 г. Минская консистория рассматривала предложение генерал-губернатора об открытии прихода при Тарасовской церкви Минского уезда. Отмечалось, что католики «в своих духовных нуждах ... обращались по большей части» к православному священнику за неимением вблизи латинского духовенства. «В настоящее же время, при стремлении сельского римско-католического населения к возвращению на лоно православной церкви и латинизанты, проживающие в пределах прежде бывшего Тарасовского прихода, составляющие половинную часть населения, при открытии вновь прихода могли бы присоединиться» [42]. В мае 1865 г. генерал-губернатор К.П. Кауфман приказал 14 римско-католических каплиц и Хойник-

ский костел в Речицком и Пинском уездах передать православным, поскольку они «построены для весьма незначительного числа католиков, с очевидною целью совращения православных жителей в католицизм ... за отсутствием приходских церквей» [43]. Когда, значительно позднее, 11 марта 1906 г. из Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) просили предоставить список католических строений с указанием, кому они переданы, начиная со второй половины XIX в., то только по Минской губернии таковых оказалось 59, среди которых львиная доля были костелы, упраздненные, в основном, в 1866–1869 гг. [44].

Возобновление практики разборов, казавшееся вначале достаточно перспективным делом, наталкивалось на процессуальные трудности. Прежде всего, из-за отсутствия документальных свидетельств. Так, 24 февраля 1866 г. Полоцкий епископ Василий сообщал губернатору о том, что причт Освейской церкви рапортом от 16 августа 1865 г. донес, что нашел в архиве церкви список 1841 г. с указанием фамилий из 12 деревень «совратившихся в латинство». Однако в конечном итоге расследование свелось к нескольким прихожанам [45].

Наиболее активная миссионерская фаза длилась с 1864 по 1868 г. В это время по епархиям Северо-Западного края перешло из католицизма в православие около 80 тыс. человек [1, с. 72]. Пик кампании пришелся на 1866 г. В четырех белорусско-литовских православных епархиях в этом году было присоединено 47642 человека. Результат 1867 г. – 11547 [40]. Характерен и состав воссоединителей: уездный исправник, мировой посредник и приходской священник. Это в очередной раз подчеркивает, что присоединение рассматривалось как акт религиозного выбора в неразрывной связи с социально-политическими мотивами.

Тем не менее потенциал присоединений быстро исчерпал себя. В новых приходах обострилось противостояние. Благодаря СМИ были преданы гласности некоторые неблагоприятные обстоятельства присоединений. В результате к концу 1860-х гг. в Санкт-Петербурге было принято решение о приостановке активной государственной поддержки политики присоединений. Как и в предыдущих ситуациях, это стало одним из факторов смены генерал-губернатора. В марте 1868 г. им стал А.Л. Потапов. Это отразилось на всех направлениях политики расширения православия. В 1869 г. по четырем белорусско-литовским православным епархиям было присоединено 1656 католиков. В 1873 г. – 808. В 1876 г. уже 413, а, к примеру, в 1886 г. – 264 человека [46]. 13 мая 1869 г. Полоцкий епископ Савва (Тихомиров) обратился к Витебскому губернатору В.Н. Токареву об упразднении Невельского костела, утверждая, что он «всегда служил и ныне служит поводом к соблазну для Православного Народонаселения». 13 сентября генерал-губернатор согласился с мнением губернатора о том, что нельзя упразднить Невельский костел [47].

С конца 1860-х гг. проблема «упорствующих» в католичестве номинально православных прихожан превратилась в головную боль местной государственной и церковной администрации. Всё чаще стали поступать жалобы на несправедливость присоединений. При этом отмечалось, что такие прихожане не исполняют «законного обряда ни католического ни православного» [48]. Присоединения вызывали и структурные проблемы, в результате которых не было возможности открыть дополнительный приход, а у духовенства отсутствовала физическая возможность проявлять повышенное внимание к новоприсоединенным прихожанам. Да и доказать факт присоединения не всегда было возможно [49].

Новый генерал-губернатор в 1869 г. фактически ответил отказом на предложение архиепископа Литовского Макария (Булгакова) о координации усилий властей по укоренению новообращенных в православии [40]. Тем не менее это не очень облегчило задачи местной администрации. Так, Минский губернатор в 1871 г. писал архиепископу о том, что крестьяне д. Новая Рудня Мозырского уезда, присоединенной к православию в 1866 г., уклонялись «от посещения православной церкви и исповеди». При этом он отправил исправника удостовериться в справедливости сведений и просил архиепископа об «увещании» священниками указанных лиц [49]. Смена политического вектора явилась свидетельством постепенной трансформации социальных отношений в сторону современного взгляда на религиозность как на индивидуальное право.

В последующие десятилетия государство отошло от активной поддержки различных аспектов деятельности православной церкви, а в начале XX в. приняли и законы о религиозных свободах, что стало свидетельством утраты церковью своей функции маркера и выразителя социального единства.

Заключение. Таким образом, события 1860-х гг. явились последней малоэффективной попыткой численного роста православной церкви путем давления на другое вероисповедание, претендовавшее выражать социальное единство региона, – католичество. Обусловлено это было комплексом идеологических и социально-политических причин, в основе которых лежала надежда если не на полное вытеснение католичества, то, по крайней мере, на маргинализацию католической шляхты.

На уровне религиозных объединений шел процесс конфессионализации, то есть выработки индивидуализированных форм религиозности. В результате запрос на выражение социального единства общества посредством унии православия с католичеством в значительной степени утратил актуальность. После нескольких волн государственно-церковного давления на католичество, растянувшихся на период около 100 лет, православная церковь превратилась в численно доминирующее вероисповедание. Это имело существенное значение для генезиса

белорусского общества и белорусской национальной идеи, поскольку с 1839 г. ни католичество, ни православие не могли представлять весь спектр социальных отношений региона. Разлом произошел по ключевой линии сложно организованного традиционного общества: между привилегированным или политическим сословием и непривилегированными слоями населения. Общество на уровне системообразующих представлений оказалось расколотым, что представляло существенную проблему в эволюции от традиционных форм социального восприятия к современным.

Литература

1. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / пад рэд. У.І. Навіцкага [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
2. Анішчанка, Я.К. Беларусь у часы Кацярыны II / Я.К. Анішчанка. – Мінск: Веды, 1998. – 211 с.
3. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. / сост. С.Г. Рункевич. – СПб.: Синод. тип., 1907. – Т. 2. – 1632 с. – Д. 3059. – С. 656–658.
4. Даўгяла, З. Урадавыя адносіны да ўніятаў на Меншчыне ў часы Паўла I // З. Даўгяла / Гістарычна-археалагічны зборнік. – Менск, 1927. – № 1. – С. 131–151.
5. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). – Фонд 2301. Оп. 1. Д. 7. Л. 281.
6. Рункевич, С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832) / С.Г. Рункевич. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1893. – 623 с.
7. Полное собр. законов Рос. империи (ПСЗРИ): собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXI. – С. 277–278.
8. ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXI. – С. 307–308.
9. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. VIII, ч. I, 1834. – С. 244–246.
10. Шавельский, Г.И. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / Г.И. Шавельский. – СПб.: Тип. «Сельского вестника», 1910. – 494 с.
11. Глубоковский, Н.Н. Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский (–1863.11.11), его жизнь и деятельность / Н.Н. Глубоковский. – СПб.: Тип. М. Меркушева, 1914. – 558 с.
12. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 10310. Л. 1 об.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 797. Оп. 5. Д. 20724. Л. 10, 12, 12 об., 15, 16, 13–13 об., 14, 22–24.
14. РГИА. – Фонд 796. Оп. 114. Д. 711. Л. 1 об., 2.
15. РГИА. – Фонд 796. Оп. 205. Д. 178. Л. 5.
16. Філатава, А.М. Хрысціянскія канфесіі пасля далучэння Беларусі да Расійскай імперыі (1772–1860) / А.М. Філатава // Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XIX ст.). – Мінск, 1998. – 340 с.
17. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1836 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1837. – 174 с.
18. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1838 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1839. – 110 с.
19. Дело о распоряжениях Греко-униатского епархиального начальства к дозволению православным священникам отправлять богослужение в некоторых греко-у-

- ниатских церквах. 1837 г. // РГИА. – Фонд 797. Оп. 7. Д. 23218. Л. 2, 4 об., 7.
20. Письмо от 28 декабря 1838 г. // Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I (1838–1839 гг.) / под ред. Л.Г. Захаровой, С.В. Мироненко. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 247.
 21. Семашко, И. Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: в 3 т. / И. Семашко. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. – Т. 1. – 745 с.
 22. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. / Е.Н. Филатова. – Минск: Бел. наука, 2006. – 192 с.
 23. НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. Оп. 1. Д. 8324. Л. 1 об.–2 об.
 24. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XIV, ч. I, 1840. – С. 251; ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. XVIII, ч. I, 1844. – С. 526–527.
 25. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1841 г. – СПб.: Тип. Св. Прав. Синода, 1842. – 140 с.
 26. Швед, В.В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.) / В.В. Швед. – Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 2001. – 416 с.
 27. Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I (1838–1839 гг.) / под ред. Л.Г. Захаровой, С.В. Мироненко. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 247.
 28. Лепеш, О.В. Комитет западных губерний: организация и деятельность (1831–1848 гг.) / О.В. Лепеш. – Минск: РИВШ, 2010. – 156 с.
 29. Николай Первый и его время: в 2 т. / сост. Б.Н. Тарасов. – М.: ОЛМА-пресс, 2000. – Т. 1. – 447 с.
 30. РГИА. – Фонд 797. Оп. 87. Д. 23. Л. 2–10 об.
 31. Извеков, Н.Д. Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. / Н.Д. Извеков. – М.: Печ. А.И. Снегирёвой, 1899. – 522 с.
 32. Извеков, Н.Д. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский / Н.Д. Извеков. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1889. – 335 с.
 33. Radvan, M. Carat wobec kosciola greckokatolickiego w zaborze rosyjskim, 1796–1839 / M. Radvan. – Roma, Lublin: Polski Instytut Kultury Chrześcijańskiej, 2001. – 504 s.
 34. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1851 г. / СПб.: Тип. Св. Синода, 1852. – Приложения: С. 2, 3, 10, 11, 14–17, 28.
 35. Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869 гг. / сост.: М.В. Свиридова, Е.И. Щербакова. – М.: Рос­сийский фонд культуры, 2006. – 706 с.
 36. РГИА. – Фонд 797. Оп. 87. Д. 242. Л. 9–10, 15.
 37. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 19924. Л. 5 об., 6.
 38. Горизонтов, Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л.Е. Горизонтов. – М.: Индрик, 1999. – 270 с.
 39. Лужинский, В. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого / В. Лужинский. – Казань: Тип. имп. ун-та, 1885. – 312 с.
 40. Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II [Электронный ресурс] / М.Д. Долбилов. – Режим доступа: file:///C:/Users/PAVEL/Desktop/Dolbilov_Mihail_Russkij_kraj_chuzhaja_vera_310362.fb2.epub. – Дата доступа: 03.05.2020.
 41. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1869 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10073425>. – Дата доступа: 04.05.2020.
 42. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 31181. Л. 3.
 43. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 12848. Л. 1, 1 об.
 44. НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. Оп. 1. Д. 7515. Л. 3, 4, 21–24 об.
 45. НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. Оп. 1. Д. 32782. Л. 1–18.
 46. Извлечение из отчета по ведомству духовных дел православного исповедания за 1866, 1870, 1873, 1876, 1886 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=46921924>; <http://books.e-heritage.ru/book/10073421>; <http://books.e-heritage.ru/book/10073426>; <http://books.e-heritage.ru/book/10073429>; <http://books.e-heritage.ru/book/10073432>. – Дата доступа: 04.05.2020.
 47. НИАБ в г. Минске. – Фонд 1430. Оп. 1. Д. 34488. Л. 20.
 48. НИАБ в г. Минске. – Фонд 295. Оп. 1. Д. 1919. Л. 1–2.
 49. НИАБ в г. Минске. – Фонд 136. Оп. 1. Д. 33806. Л. 1, 59 об.

Поступила в редакцию 10.06.2020